
ДИНА ШИНИГАМОВА
Хеску
КРОВЬ ДОМА БАЗААРД : ТОМ I
фэнтези
МИФ

Добро пожаловать в Сат-Нарем.
Тебя здесь никто не ждет

ДИЛОГИЯ «ХЕСКУ»

I
КРОВЬ ДОМА БАЗААРД
ТОМА 1–2

II
ТЕНИ САТ-НАРЕМА
ТОМА 1–2

«Хеску. Глубже в историю»

Путеводитель по миру хеску

Посвящается моему папе, который не успел узнать
о существовании этой истории,
и
Ире, без которой она не появилась бы вообще

ТАК ЗВУЧИТ КРОВЬ

Two Steps From Hell — *Star Sky (instrumental)*
Malia J — *Smells Like Teen Spirit*
СЛОТ — *Круги на воде*
Billie Eilish — *Happier Than Ever*
Jack White — *Love Is Blindness*
polnalyubvi — *Твои глаза*
Kovacs — *My Love*
James Newton Howard — *Bedroom Dreams*
Poets Of The Fall — *Where Do We Draw the Line*
Lewis Capaldi — *Someone You Loved*
ZAYN feat. Sia — *Dusk Till Dawn*
Sigrid — *Everybody Knows*
Ludovico Einaudi — *Experience*
Fall Out Boy — *The Phoenix*
The Tech Thieves — *Fake*
Emeli Sande feat. Naughty Boy — *Daddy*
КАЗАКИ ДЕЛАЮТ ХИТЫ — *Мой ненаглядный*
Two Steps From Hell — *Armada*
Andy Black — *We Don't Have to Dance*
Klergy & Valerie Broussard — *Start a War*
Beatrice Piacentini — *Paint it, Black*

ПРОЛОГ

Четыре часа утра — время, когда улицы любого города в любом из миров тихи и пустынны.

Бархат ночи еще укрывает тенями дома, делая очертания зданий более угловатыми; еще стелется по улицам уютная тьма, стирая острые углы поворотов; еще кажется волшебным желтый свет фонарей, растворяющийся в окружающем мраке...

На асфальте еще не высохли лужи от недавно закончившегося дождя, и деревянная скамейка на автобусной остановке до сих пор влажная. Поэтому сидящий на ней мужчина то и дело недовольно кряхтит, чувствуя, как отсыревает плотная серая куртка, и пытается устроиться поудобнее.

В какой-то момент, словно решившись на что-то, он заносит над скамейкой раскрытую ладонь с растопыренными пальцами и несколько секунд сидит не шевелясь. Ничего не происходит, и мужчина со вздохом смиряется с неизбежным.

На вид ему лет шестьдесят пять. Добротные ботинки его уже слегка стоптаны, но еще крепки, из-под плоской клетчатой кепки виднеются короткие завитки седых волос.

Он сидит так, что лицо его остается в тени, скрытое даже от случайных глаз, и изредка поглядывает вдоль улицы, словно, забыв, какой сейчас час, надеется увидеть вдали свой автобус.

Она появляется из теней — неслышно отделяется от дома и, засунув руки в карманы узких брюк, идет вперед, глухо постукивая по асфальту каблуками сапог. На мгновение замирает на границе тени, будто не решаясь сделать последний шаг, но все же ступает в круг света.

Они с мужчиной смотрят друг на друга с любопытством, но в ее взгляде сквозит отчаяние, а в его — веселье.

— Шама́ри Си́пти, — произносит девушка, едва заметно склоняя голову в знак приветствия, и мужчина разражается отрывистым, тявкающе-лающим смехом.

— Уже много лет никто не называл меня *шамари*. — Кажется, он искренне забавляется, хотя на ее лице не появляется даже тени улыбки. — Да и имени я теперь лишен, — добавляет он чуть тише и уже без веселья.

— Вы лишены только имени семьи, — спокойно замечает девушка, прямо смотря на Сипти.

Тот тянет что-то нечленораздельное и, вытянув шею, чешет припорошенный седой щетиной острый подбородок.

— А ты, значит, Джабе́л, — наконец произносит он, глядя на нее из-под кепки. Тень все еще падает на его лицо. Девушка кивает. — Вот уж не думал, что буду болтать среди ночи с кем-то из вашего клана!

Джабел пожимает плечами, подходит к скамейке, хмурится, видя сырые пятна на деревянных брусьях, и проводит над ними рукой. Мгновение ничего не происходит, а затем в воздух взвивается облачко тонкого пара, и Сипти чувствует, как высохшее дерево передает его старым костям свое тепло.

Джабел успевает поднять глаза на Сипти прежде, чем сам он успевает спрятать во взгляде зависть.

Некоторое время они смотрят друг на друга, откровенно разглядывая. Джабел наконец может изучить острые линии его лица, худобу, свойственную пожилым людям, и яркий изумруд глаз — и думает, что даже сто пятьдесят лет

в человеческом мире не стерли характерные для лисов черты. Сипти думает, что она — типичная представительница правящей семьи своего клана: оливковая кожа, унаследованное от множества поколений предков выражение превосходства во взгляде, угольно-черные волосы. Вопреки обычаям их родного мира, сейчас они не заплетены в сложную прическу из множества косичек, а свободно перекинуты через плечо, и легкий ветерок колышет тяжелые пряди.

— Что же ты хотела, шеру́ Джабел? — церемонно спрашивает Сипти, намеренно использовав словечко из языка их общей родины.

Джабел смотрит на него еще пару секунд, а потом наконец произносит:

— Хотела спросить, каково постоянно жить среди людей. Каково обходиться без истинного облика.

Веселье, пусть и притворное, сходит с лица Сипти, и взгляд его становится серьезнее.

— Трудно, — произносит он, и в интонации его слышится печальная искренность, — но возможно.

Джабел кивает, словно именно этого ответа и ждала. Отворачивается, смотрит на носы сапог.

— Не... — она, вынув руку из кармана, поводит ей в воздухе, подбирая подходящее слово, — не ломает?

Сипти коротко и невесело фыркает.

— Ломает. Но что тут сделаешь? Приходится терпеть. Потом... привыкаешь.

Он замолкает, тоже опустив взгляд себе под ноги, где свет фонаря на мокром асфальте рассыпался сотнями оранжевых искр. На короткое мгновение ему вспоминается прошлое: ощущение проносящейся под лапами земли, острота запахов, скорость, опьянение силой мышц при прыжке...

Сипти прикрывает глаза, возвращаясь в настоящее: две руки, две ноги, старческая дальнозоркость. Он человек. Человек.

Джабел смотрит на него с пониманием, почти с сочувствием. Он, не поворачиваясь, упирает взгляд в ночь и произносит:

— Почему ты спрашиваешь?

Она вздыхает.

— Я думаю... возможно, мне придется остаться здесь.

— Ты хочешь покинуть Сат-Нарéм?! — вскидывается Сипти. В голосе его удивление, непонимание, почти гнев.

— Не хочу, — поправляет его Джабел, — но, скорее всего, придется.

Она смотрит прямо в изумрудные глаза старика, пытаясь взглядом передать то, что недоступно словам.

— Неужели отец не может защитить тебя? — недоверчиво хмурится Сипти.

— Есть вещи, над которыми даже Владыка не властен. — Джабел качает головой, снова глядя себе под ноги, и от нее расходится почти ощутимая волна горечи.

Какое-то время они молчат, каждый думая о своем.

— Какой теперь Сат-Нарем? — наконец произносит старик, пытаясь скрыть тоску по дому.

— Такой же, — Джабел практически не прячет улыбку. Ей понятен его вопрос. — Всюду туман, из которого торчат твердыни.

Он кивает: странно было бы ждать другого ответа. Но он надеялся на чудо — как и все они, как и их отцы, и отцы их отцов.

Повисает хрупкая тишина.

Джабел вздыхает и поднимает глаза к небу, следя, как быстро бегут по нему тучи, то скрывая звезды, то вновь являя их взгляду.

— Никогда не привыкну, что здесь есть луна, — наконец признаётся она. — Все смотрю на нее каждый раз и не могу насмотреться.

Сипти фыркает.

— Скажи спасибо, что не на солнце смотришь. — Он испускает короткий смешок, слишком сильно похожий на тявканье. — Я первый раз пялился на него как дурак, тоже насмотреться не мог, потом полдня ходил как слепой.

Они смеются, чувствуя какую-то схожесть, неловкое родство мыслей. Джабел набирает воздуха, чтобы попрощаться, и, словно почувствовав это, Сипти произносит:

— Как... — Он откашливается. — Как там...

В его надтреснутом старостью голосе звучит немая просьба не заставлять договаривать фразу, и Джабел идет ему навстречу, обрывая вопрос:

— Отлично. Лисы лидируют в Игре.

Сипти удовлетворенно ухмыляется, от уголков губ бежит сеточка морщин.

— Удивительно, — говорит он как будто сам себе. — Значит, все действительно было не зря...

Джабел внимательно смотрит на него, пытаясь считать эмоции, но здесь, в мире людей, рядом с тем, кто фактически перестал быть собой, это труднее, чем дома.

Сипти кивает сам себе, словно наконец приняв что-то, поставив точку. Оборачивается к Джабел.

— Почему я, детеныш? Во внешнем мире есть и другие хе́ску.

Пропустив покровительственное обращение мимо ушей, Джабел наклоняет голову к плечу и улыбается:

— Потому что никому в голову не придет, что мы с вами можем разговаривать, сидя среди ночи на скамейке во внешнем мире.

Сипти хмыкает, кивает, соглашаясь. Через пару минут молчания Джабел все-таки встает, чтобы уйти.

— Благодарю, шамари Сипти, — произносит она, глядя на старика с неожиданным даже для себя теплом. — Пусть годы ваши будут долгими.

Старый лис качает головой:

— Не надо. Они и так слишком долги. Я уже устал.

Когда Джабел делает пару шагов за пределы пятна света, уже скрывшись в темноте ночи, уже вернувшись мыслями домой, Сипти окликает ее:

— Если есть хоть какая-то возможность, останься в Сат-Нареме.

Джабел оглядывается. Теперь, из тени, старик для нее как на ладони, а вот она укрыта мраком.

— Если бы она была, я бы не пришла с этими вопросами.

Она разворачивается и уходит — на этот раз окончательно. Сипти еще какое-то время сидит на скамейке, к которой постепенно возвращается влажная прохлада. Встает, чувствуя, как скрипят суставы, как напрягаются мышцы даже от простых движений. Смотрит в ту сторону, куда ушла Джабел, но ее уже нет — только темнота да спящие дома.

Он вздыхает, думая обо всех тех годах, что провел здесь, вдали от родных, от дома, от всего, что было ему дорого, а потом закидывает голову и смотрит в небо.

— Зато здесь есть луна, — шепчет он сам себе. Улыбается и прикрывает глаза, наслаждаясь ощущением серебристого света на лице.

